

О. П. Шалацкая

Страница прошлого

Рассказ

Выдался холодный зимний день; снег падал, кружась в воздухе хлопьями; к ночи обещал усилиться мороз. Фонари зажгли рано и от сильного напора ветра, проносившегося подобно жужжанию стали, видно было через дребезжащие стекла их колеблющееся пламя. Только электричество горело ярким немигающим светом.

По одной из главных улиц шатающейся походкой приближалась женщина в отрепьях. Она отыскала большой дом и направилась к роскошной барской квартире в бельэтаже. Сильный ветер почти валил ее с ног, тербя лохмотья и забрасывая их комьями снега.

На ней надета была короткая ватная кофта, изорванная во многих местах и залатанная цветными лоскутками, черная юбка с отрепанным, висевшим бахромою подолом. Ковровый платок окутывал обрюзгшее морщинистое лицо с выбившимися на лбу космами седых волос.

Она взошла на парадное крыльцо, взглянула на прибитую медную дощечку, где витиеватыми инициалами было вырезано: «Стратон Артемьевич Мумиев, профессор хирургии», причем вслух повторила имя и фамилию и вступила в обширный вестибюль.

На стуле, с газетой в руках, сидел швейцар.

— Что тебе? — спросил швейцар.

— Мне нужно видеть Мумиева, — твердо произнесла женщина.

— Профессора Мумиева? — внушительно переспросил швейцар. — Он таких больных, как ты, принимает только в клинике.

— Я не больная, а знакомая его.

Швейцар подозрительно оглядел ее с ног до головы. Женщина имела гордый, внушительный вид, говорила с апломбом; повелительные ноты звучали в ее голосе. Все это повергло его в недоумение... Но кто их разберет! Попрошайки ведь разные бывают; и он проговорил:

— Все-таки вас выпустить не могу.

— Не думайте, что я пришла за милостыней, уверяю вас. Мумиев меня хорошо знает и непременно примет. Не всегда же он жил в таких хоромах. Да вот вам доказательство.

Она порылась в кармане и вытащила оттуда вместе с пачкой нюхательного табаку засаленный конверт, достала из него фотографическую карточку какого-то длиннолицего юноши с приятной улыбкой на красиво сложенных сердечком губах, оттененных мягкими, пушистыми усами.

— Видите, — сказала женщина. — Теперь прочтите подпись на оборотной стороне.

Тот уклонился. Взглянув мельком на фотографию, швейцар улыбнулся, откашлялся и указал на дверь, говоря:

— Звоните, там человек проводит.

Женщина, довольная произведенным эффектом, запрятала фотографию и сказала:

— Без меня ему вряд ли выбраться в люди. Что он, важничает?

— Есть немного, — отвечал швейцар, не без сочувствия слушавший женщину.

— Мне с ним церемониться нечего. Посмотрю, как он меня примет, — с этими словами она нажала пуговку электрического звонка.

Дверь сейчас же поддалась и угреватая физиономия молодого лакея, пересмеивающегося с пробегавшей горничной, проглянула из передней.

— Завтра в клинику. Сюда только господа ходят, — заявил было он.

Посетительница объяснила ему почти тоже самое, что и швейцару, только к вещественному доказательству ей не пришлось прибегнуть, так как она рассыпала табак и закашляла.

— Подождите, — сказал слуга.

Она вступила в большой зал с позолоченными зеркалами, стульями и роскошными тропическими растениями в кадках и вазах на мраморных тумбах.

На стульях сидело до десятка пациентов обоего пола.

Быть может, невольно, в силу старой привычки, женщина подошла к зеркалу, где во весь рост отразилась ее грузная, тяжеловесная фигура в лохмотьях. От туфель ее остались мокрые следы на паркете. Оглядев себя внимательно в зеркало, она покачала головой, присела в кресло, не то задумалась, не то задремала, а, может быть, предалась и воспоминаниям прошлого.

Тепло благотворно действовало на нее: синева пропадала с лица и оно делалось изжелта-бледным. Она терпеливо выжидала, пока посетители один за другим перебивали в кабинете профессора, потом одевались и уходили. Некоторым из них слуга подобострастно накидывал шубы, ротонды и отворял двери.